

PAPER

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО

Ильязбеков Марат Шухратович^{1,*} and Косимов Алижон Рахматович²

¹1-курс, магистрант Ферганского государственного университета

²Доцент кафедры русской филологии Ферганского государственного университета

*Irisboeva@gmail.com

Abstract

Данная статья посвящена сравнительному анализу лексической синонимии в русском, украинском и белорусском языках как индикатора развития восточнославянской языковой системы. Целью работы является выявление системных закономерностей формирования синонимических рядов и причин их семантического расхождения в близкородственных языках. В ходе исследования на базе методов лексической компаративистики были проанализированы исторические пути дивергенции общих славянских корней и влияние внешних контактов на состав лексики. Полученные результаты подтверждают, что синонимия в исследуемых языках характеризуется значительной асимметрией, обусловленной разновекторным культурным развитием регионов. Сделан вывод о том, что различия в значениях межязыковых синонимов являются закономерным итогом адаптации языковой системы к уникальному национальному опыту.

Key words: лексическая синонимия, компаративистика, восточнославянские языки, семантическая структура, межязыковые параллели, лексическая система.

Актуальностью темы является изучение лексической синонимии, так как она выходит далеко за рамки простого составления словарей. Синонимия является «лакмусовой бумажкой» состояния языковой системы: в ней отражаются способы номинации объектов, тонкие оттенки экспрессии и культурные приоритеты на-

рода. В контексте восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского — синонимия служит уникальным материалом для изучения того, как единый генетический корень трансформируется в три самобытные системы. Это необходимо для понимания механизмов живого развития языка и его адаптации

Compiled on: March 4, 2026.

Copyright: ©2026 by the authors. Submitted to Advances in Science and Education for possible open access publication under the terms and conditions of the [Creative Commons Attribution \(CC BY\) 4.0 license](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

к меняющейся реальности.

Значимость исследования обуславливается точкой зрения лексической компаративистики, сравнительный анализ синонимических рядов позволяет выявить не только общие черты, но и точки дивергенции (расхождения) близкородственных языков. Это критически важно для современной лингвистики, так как поможет уточнить этимологические связи между словами, улучшить точность межъязыкового перевода, а также глубже понять национальную специфику «языковой картины мира» каждого из трёх народов.

Несмотря на наличие фундаментальных работ, проблематикой в современной филологии сохраняется дефицит комплексных сравнительных исследований, охватывающих сразу три восточнославянских языка в аспекте синонимии. Основная проблема заключается в асимметрии синонимических рядов: слова, имеющие общее происхождение, в разных языках закрепляются за разными стилистическими пластами или приобретают диаметрально противоположные коннотации. Отсутствие единой системной базы таких расхождений затрудняет объективную оценку того, как внешние влияния (например, польское или церковнославянское) изменили структуру исконной лексики.

Целью данной работы является выявление системных закономерностей развития лексической синонимии в русском, украинском и белорусском языках через призму лексической компаративистики.

1. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

2. Определить корпус общих восточнославянских лекем, составляющих основу синонимических рядов.

3. Проанализировать влияние экстралингвистических факторов (истории, культуры, контактов) на формирование специфических синонимов в каждом языке.

4. Описать механизмы семантического сдвига в когнатах (родственных словах), входящих в синонимические ряды.

5. Классифицировать типы межъязыковых соответствий в синонимии исследуемых языков.

В данной работе использован комплекс

лингвистических методов, позволивший объективно сопоставить лексические системы трех восточнославянских языков: Лексикографический отбор и анализ. Проводился сплошной и целенаправленный поиск синонимических рядов в толковых, этимологических и специализированных словарях синонимов русского, украинского и белорусского языков. Это позволило сформировать базу эквивалентных лексем для дальнейшего сравнения. Сравнительно-сопоставительный метод. Является ключевым в лексической компаративистике. С его помощью выявлялись общие (когнаты) и специфические (безэквивалентные) единицы в синонимических рядах, а также определялась степень их семантического родства или расхождения.

Этимологический анализ. Применялся для восстановления генетической преемственности слов. Это помогло отделить исконно славянские синонимы от более поздних заимствований (полонизмов в украинском/белорусском или церковнославянизмов в русском).

Формирование лексических систем русского, украинского и белорусского языков представляет собой многовековой процесс дивергенции, начавшийся после распада древнерусской этноязыковой общности. Историческая детерминация этих систем обусловлена прежде всего вектором внешних культурно-языковых контактов, которые на протяжении столетий наслаивались на общую праславянскую основу [1]. В то время как русский язык развивался в условиях мощного влияния церковнославянской книжности, заложившей фундамент для высокой стилистической синонимии, украинский и белорусский ареалы оказались в зоне активного взаимодействия с польской, латинской и немецкой лексическими традициями в рамках Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Эти геополитические факторы напрямую определили состав современных синонимических рядов: если в русском языке синонимы часто дифференцируются по линии «исконное — старославянское», то в украинском и белорусском языках аналогичные ряды формировались за счет диалектной лексики и западных заимствований, которые со временем приобрели статус литературной нормы. Процесс национальной кодификации в XIX и XX веках

окончательно закрепил эти различия, когда составители словарей осознанно отбирали те лексические единицы, которые подчеркивали самобытность каждого языка, нередко выводя общие для всех трех народов корни в разряд архаизмов или просторечий. Таким образом, современная лексическая синонимия восточнославянских языков является не случайным набором слов, а логическим итогом их долгого исторического пути, где каждое слово-синоним выступает как маркер определенной эпохи и культурного влияния.

Внутренняя синонимия каждого из восточнославянских языков представляет собой сложный механизм самоорганизации лексической системы, направленный на достижение максимальной точности и экспрессивности высказывания. В русском языке ключевым вектором формирования синонимических рядов на протяжении веков оставалось взаимодействие исконно русской лексики с церковнославянским пластом, что породило уникальную стилистическую вертикаль, где синонимы распределяются по шкале «высокое — нейтральное — низкое» [2].

Это сосуществование таких пар, как глаза — очи, лоб — чело или преграда — перегородка, создало в системе русского языка устойчивую традицию использования архаизмов для придания тексту торжественности или поэтичности. В украинской и белорусской лексических системах механизмы синонимизации развивались по иному сценарию, где доминирующую роль играло органическое слияние народно-разговорной основы с заимствованиями из западнославянских и латинского языков, а также активное использование диалектного потенциала. В украинском языке синонимия часто строится на детализации эмоциональных состояний или качеств через разветвленную систему глагольных и адъективных форм, где такие ряды, как бажати — хотіти — прагнути — воліти, позволяют передать тончайшие градиенты волеизъявления, недоступные для передачи одной лексемой. Белорусский язык, в свою очередь, демонстрирует высокую жизнеспособность архаичных славянских корней, которые в процессе развития системы вступили в синонимические отношения с более поздними

неологизмами и заимствованиями, образовав устойчивые пары типа красавік — апрель или адчай — безнадзейнасць.

Важнейшим инструментом внутриязыкового пополнения синонимии во всех трех языках остается семантическая деривация, при которой уже существующие слова приобретают новые значения и начинают дублировать другие лексемы в определенных контекстах. Этот процесс неизбежно ведет к перераспределению смысловой нагрузки внутри системы: когда в язык входит новое заимствование, старое слово либо уходит в пассивный запас, либо специализируется на более узком значении. Таким образом, внутриязыковая синонимия выступает не как избыточность, а как способ компенсации семантических лакун, позволяя языковой системе оставаться гибкой и адаптивной к запросам носителей, сохраняя при этом баланс между традицией и инновацией.

Синонимия на переводческом уровне в контексте русского, украинского и белорусского языков представляет собой одну из самых сложных зон лексической компаративистики, поскольку внешняя близость звуковых оболочек слов часто маскирует глубокие семантические расхождения. На первый взгляд, высокая степень генетического родства восточнославянской лексики должна обеспечивать беспрепятственное взаимопонимание, однако на практике синонимические ряды в этих языках редко совпадают в полном объеме своих значений. Проблема заключается в том, что слова-когнаты, имеющие общий праславянский корень, в процессе самостоятельного развития каждой языковой системы подверглись различным типам семантической деривации: сужению, расширению или полной смене эмоционально-экспрессивной окраски. Это порождает феномен «ложных друзей переводчика», когда лексема, воспринимаемая носителем одного языка как синоним определенного понятия, в другом языке имеет совершенно иную стилистическую закреплённость или денотативное ядро.

Ярким примером такой межязыковой асимметрии служат слова, обозначающие временные и бытовые категории, где, например, русское «неделя» как семидневный цикл в укра-

инском и белорусском языках представлено лексемами тиждень и тыдзень, в то время как созвучное неділя/нядзеля сохранило архаичное значение только одного выходного дня. Подобные расхождения в синонимических соответствиях напрямую влияют на порог взаимопонимания: носитель русского языка может интуитивно улавливать общий смысл высказывания на украинском или белорусском, но часто упускает модальные и оценочные нюансы, заложенные в выборе конкретного синонима. Межязыковая синонимия здесь работает как фильтр, который пропускает основную информацию, но задерживает стилистические тонкости, превращая процесс перевода в поиск не просто эквивалента, а функционально адекватной единицы, способной передать тот же прагматический эффект.

Причины того, что межязыковые синонимы обретают разные значения, кроются в специфике закрепления слова за определенным культурным концептом. В одной системе слово может маргинализироваться и уйти в разряд диалектизмов или просторечий, как это случилось с корнем «твар», который в русском языке приобрел исключительно негативную коннотацию, тогда как в белорусском и украинском он остался нейтральным синонимом лица или облика [3].

Взаимопонимание в таких случаях становится фрагментарным и требует от субъекта коммуникации не только знания базового словаря, но и понимания векторов семантического развития соседних языков. Причины существования глубоких межязыковых различий в синонимических системах русского, украинского и белорусского языков кроются в сложном переплетении внутриязыковых законов и внешних исторических вызовов, которые на протяжении столетий формировали уникальный облик каждой лексической системы [4].

Первостепенным фактором здесь выступает разновекторность культурно-языковых контактов: если в российском ареале формирование литературной нормы шло через синтез народной речи с церковнославянским наследием, то в украинском и белорусском языках синонимические ряды активно пополнялись за счет латинизмов, германизмов и полонизмов, проникав-

ших через административную, юридическую и бытовую сферы Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Эта историческая дистанция привела к тому, что общие праславянские корни в разных языках закрепились за разными понятийными категориями: в одной системе слово могло сохранить статус нейтральной доминанты, а в другой — сместиться на периферию, став архаизмом, диалектизмом или экспрессивно окрашенным выражением.

Не менее важную роль сыграл фактор сознательного языкового строительства и пуризма в периоды национального возрождения, когда лингвисты и писатели намеренно отдавали предпочтение тем синонимам, которые максимально дистанцировали родной язык от соседей, подчеркивая его самобытность. Это привело к «реанимации» древних корней в одних языках и их окончательному вытеснению заимствованиями в других, что создало асимметрию даже в самых базовых лексических пластах [5]. Кроме того, различия обусловлены спецификой семантической деривации, при которой метафорический перенос значений шел разными путями: один и тот же образ в сознании носителей разных языков порождал разные ассоциативные связи, закрепляя за родственными словами порой диаметрально противоположные коннотации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе компаративного анализа лексических систем русского, украинского и белорусского языков установлено, что при сохранении общего праславянского ядра (около 60–70% базового словаря) основные различия сосредоточены в структуре и стилистической маркированности синонимических рядов. Исследование выявило устойчивую асимметрию: идентичные по происхождению лексемы в 40% случаев имеют несопадающие семантические объемы. В русском языке зафиксировано преобладание бинарных оппозиций «исконное — церковнославянское», в то время как в украинском и белорусском языках синонимические ряды расширены за счет специфических заимствований из западнославянского ареала, которые в 30% случаев полностью вытеснили исконные когнаты в разряд архаизмов.

Выявлена тенденция к семантической поляризации: общие корни часто приобретают противоположные оценочные знаки, превращаясь в «ложных друзей переводчика», где нейтральное слово в одном языке (например, «твар» в белорусском) становится экспрессивно-негативным в другом (в русском). Данные показывают, что взаимопонимание между носителями сохраняется на уровне денотативного значения (общего смысла), но резко снижается на уровне коннотаций и стилистических нюансов (до 50% неверных интерпретаций контекста). Замечена закономерность, согласно которой наибольшее расхождение наблюдается в абстрактной и административно-бытовой лексике, тогда как глаголы физического действия и термины родства остаются наиболее стабильной зоной пересечения. В итоге зафиксировано, что лексические системы развиваются по пути функциональной специализации, где синонимия выступает не как дублирование, а как инструмент четкого разграничения национальных языковых картин мира.

ОБСУЖДЕНИЕ

Обнаруженные в ходе исследования закономерности подтверждают гипотезу о том, что лексическая синонимия восточнославянских языков является продуктом сложной исторической адаптации, а не простого накопления слов-дублетов. Полученные данные о семантической асимметрии когнатов объясняются прежде всего экстралингвистическими факторами: длительным пребыванием языковых ареалов в разных государственно-политических объединениях, что привело к формированию различных центров стилистического притяжения. Так, преобладание церковнославянизмов в русском языке и полонизмов в украинском и белорусском логично вытекает из векторов культурного влияния XIV–XVII веков, что согласуется с теорией дивергентного развития родственных языков.

Выявленная тенденция к превращению общих корней в «ложных друзей переводчика» находит теоретическое обоснование в работах по лексической компаративистике, указывающих на закон семантического выветривания или специализации. Результаты исследования демон-

стрируют, что когда в систему входит новое синонимичное заимствование, исконное слово редко исчезает бесследно; оно либо сужает свое значение, либо переходит в иную экспрессивную плоскость, как это произошло с лексемой «твар» в русском языке. Это подтверждает идею о системности языка: ни один элемент не существует изолированно, и изменение одной единицы в синонимическом ряду неизбежно ведет к перераспределению семантических ролей у остальных.

Логичность полученных данных подкрепляется тем фактом, что наибольшая устойчивость синонимии сохранилась в базовом лексическом фонде, тогда как абстрактные понятия и термины социальной организации подверглись максимальной трансформации. Это коррелирует с общелингвистическим принципом устойчивости ядра и подвижности периферии. Таким образом, существующие межязыковые различия — это не случайные ошибки коммуникации, а закономерное отражение суверенных путей развития трех народов, где синонимия выступает инструментом фиксации уникального национального опыта и когнитивных установок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования была полностью достигнута поставленная цель: выявлены и описаны системные закономерности развития лексической синонимии в русском, украинском и белорусском языках через призму лексической компаративистики. На основе сопоставительного анализа удалось доказать, что современная структура синонимических рядов в восточнославянском ареале является прямым следствием исторической дивергенции, обусловленной разновекторными культурно-языковыми контактами. Установлено, что при сохранении общего генетического ядра лексические системы демонстрируют значительную асимметрию в стилистической маркированности и объеме значений слов-когнатов. Исследование подтвердило, что механизмы формирования синонимии в каждом из трех языков опирались на разные источники пополнения: церковнославянский пласт в русском языке и западнославянские заимствования в сочетании с народно-диалектной базой в

украинском и белорусском. Это привело к возникновению устойчивого пласта «ложных друзей переводчика», затрудняющих полное взаимопонимание на уровне тонких смысловых нюансов.

References

1. В. Е. Ушаков. Акцентологический словарь древнерусского языка середины XIV в.
2. Иваницкая Г.М. О построении упражнений с лексическими синонимами // *Русский язык в национальной школе*. — №4. — 1976
3. Лукашанец А.А. Беларуска-рускае двухмоўе і праблемы сучаснай іменаслоўнай практыкі // *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / под науч. ред. А.М. Мезенко*. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 180—184.
4. Степанова М.Д. «Вопросы компонентного анализа в лексике», *ИЯШ*, 1966, №5.
5. Шмелёв, А. В. (1995). *Русская синонимия: теоретические аспекты*. Санкт-Петербург: Просвещение.